

Социальные инверсии и образование

Севостьянов Дмитрий Анатольевич – канд. мед. наук, доцент кафедры кадровой политики и управления персоналом. E-mail: dimasev@ngs.ru

Новосибирский государственный аграрный университет, Новосибирск, Россия

Адрес: 630039, г. Новосибирск, ул. Добролюбова, 160

Аннотация. В статье рассматриваются иерархические и инверсивные отношения в социальных системах. Иерархия представляет собой основную форму организации в социальных системах. Сложные иерархии обладают свойством формировать инверсивные отношения. Инверсивные отношения возникают, когда низший элемент в социальной иерархии приобретает главенствующее значение, но формально остается в подчинённом положении. В иерархической системе действуют определённые организационные принципы, которые определяют взаимное положение элементов. В сложных иерархиях таких принципов несколько. Инверсии возникают при столкновении двух и более организационных принципов в социальной иерархии. Развившиеся инверсии есть проявление внутренних противоречий в иерархической системе. Накопление этих противоречий способно привести иерархическую систему к распаду, например послужить причиной революции, при которой отдельные организационные принципы в социальной системе упраздняются. Но в некоторых случаях разрешение этих противоречий приводит к очередному шагу в поступательном развитии данной системы. Так, разрешение противоречий происходит, когда субъект реально перемещается на более высокую позицию в социальной иерархии. Один из важнейших организационных принципов, определяющих положение субъекта в социальной иерархии, опирается на образовательный уровень этого субъекта. Повышение уровня образования субъекта влечет за собой и повышение его социального статуса. Однако положение субъекта в социальной иерархии определяется и другими организационными принципами. Эти принципы способны вступать в противоречие с образовательным организационным принципом. В результате этого возникает социальная инверсия. Образование представляет собой фактор, который способен как порождать инверсии в социальной иерархии, так и устранять их. Развитие общества тесно связано с проявлениями образовательного организационного принципа, с его взаимодействием в другими организационными принципами в социальной иерархии. Анализ инверсивных отношений в социальных иерархиях является действенным исследовательским инструментом, позволяющим прогнозировать социальное напряжение в обществе и предотвращать его.

Ключевые слова: социальная иерархия, инверсия, организационный принцип, «социальные лифты», образование как фактор социальной инверсии

Для цитирования: Севостьянов Д.А. Социальные инверсии и образование // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 12. С. 39-49.

DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2018-27-12-39-49>

Иерархические отношения в обществе

В рамках ряда социологических и философских парадигм утверждается, что в обществе существуют иерархические отношения. В частности, эта мысль нашла отражение в марксистской классово-эконо-

мической теории. Взгляда на общество как на иерархию придерживался П.А. Сорокин, его ученики и последователи [1, с. 302–305]. Хосе Ортега-и-Гассет не только признавал наличие социальной иерархии, но и недвусмысленно высказывался против равенства

людей и в поддержку сохранения иерархичности [2, с. 109].

Одним из важнейших свойств иерархических систем является способность к формированию инверсивных отношений. Инверсия в данном контексте представляет собой форму системных отношений, при которой низший, подчинённый иерархический элемент приобретает в данной системе возможность претендовать на главенствующую роль, не покидая при этом своей невысокой иерархической позиции. Возникает противоречие между местом элемента в системе и его реальной ролью в ней.

Исследование инверсивных отношений в социальных системах не предполагает жёсткого следования какой-либо существующей социально-философской парадигме, так же как и составления антологии таких парадигм (что не без успеха осуществляют некоторые современные авторы применительно к решению иных задач [3]). Однако очевидно, что в разных социально-философских подходах факт наличия инверсивных отношений, а также причины, приводящие к их возникновению, объясняются по-разному.

Иерархическая схема общественного устройства отображает прежде всего состояние неравенства. Стратификационный порядок классифицирует индивидов по ранговому принципу, то есть на основе некоторого множества критериев определяет, кто из агентов (индивид, группа, слой) занимает более высокое, а кто – более низкое положение на социальной лестнице. Есть ряд факторов, которыми обусловлено как само распределение общества на страты, так и возможность социальной мобильности, то есть перемещения индивидов из одной страты в другую, что даёт основание говорить о стратификационном пространстве. Исторически стратификация теснейшим образом связана с образованием, исполняющим функции межпоколенной передачи социального, производственного и культурного опыта. Как отмечал Клод Леви-Строс, переход от «холодных» обществ к «горячим», то

есть к обществам, имеющим кумулятивную историю и прогрессивно накапливающим культурную информацию, тесно связан с дифференциацией общества на касты и классы [4, с. 380]. Эту связь подчёркивают и отечественные авторы [5]. Известно, что само развитие культуры, приобретающее в известное время невиданные прежде масштабы, смогло осуществиться исключительно в классовом обществе, в котором сформировались страты, чьи представители способны были посвящать своё время именно этим вопросам. Вместе с этим возникла необходимость передавать культурную информацию, тем самым сохраняя и приумножая её. Именно здесь выявляется неразрывная связь стратификации общества с образованием в тех или иных его формах: несомненный позитивный результат возникновения социальной стратификации не должен быть утрачен; культура не должна физически исчезать вместе с её живыми носителями.

Формы и виды стратификации трактуются и оцениваются в научной литературе по-разному. Так, например, О.И. Шкаратан отмечает, что каждый человек занимает не одно, а сразу несколько положений в обществе, например: студент, молодой мужчина, сын, муж, спортсмен – и это всё один человек. Для каждой из этих позиций предполагаются определённые права и обязанности. Социальный статус человека определяется множеством критериев – это может быть престиж профессии, уровень дохода, объём властных полномочий, размер собственности и, наконец, продолжительность и качество образования [6, с. 44]. Если рассматривать общество как целостную систему, данные виды стратификации (социальную, профессиональную, политическую) следует расценивать как совместно действующие *организационные принципы* в социальной иерархии. Понятие «организационный принцип», используемое нами в анализе инверсивных отношений, перекликается с тем, что Э. Гидденс называл «структуральный принцип» [7]; разница в том, что структуральные

принципы – это принципы организации социальных общностей, в то время как организационные принципы присущи и иным системам. Среди организационных принципов могут быть выделены *сущностные* принципы, основанные на наличии у элементов социальной иерархии (субъектов) некоторого неотъемлемого свойства, и *атрибутивные* принципы, базирующиеся на некоем изменчивом, непостоянном свойстве.

Условия возникновения социальных инверсий

Если организационные принципы начинают противоречить друг другу, в системе возникают инверсивные отношения. Если сущностный и атрибутивный принципы действуют в паре, то к развитию инверсии может привести атрибутивный принцип; сущностный же создаёт для этого точку опоры. В результате тот или иной субъект, согласно одним своим качествам, может претендовать на более высокое социальное положение, чем то, которое он сейчас занимает; однако другие качества удерживают его на невысокой иерархической позиции. Анализируя известные исторические и современные примеры социальных противоречий, в каждом случае можно усмотреть столкновение двух или нескольких организационных принципов, действующих либо непосредственно в самой социальной иерархии, либо в иных сопряжённых с ней иерархических системах, (таких, как система ценностей, целей, мотивов). Это даёт основания считать инверсии основной формой проявления социальных противоречий; их нарастание способно привести общество к атомизации и распаду.

Обычно при оценке отношений социальных страт принято обращать внимание в первую очередь на экономический (имущественный) организационный принцип. Действительно, экономические отношения составляют одну из основополагающих сторон социального неравенства. Вместе с тем это отнюдь не единственная форма неравенства среди людей. Изучение эконо-

мических отношений неизбежно приводит нас к необходимости дальнейших исследований социальной стратификации [8]. Анализ инверсивных отношений в социальной иерархии позволяет, во-первых, соотносить экономическое неравенство с другими его формами, во-вторых, прогнозировать развитие в обществе инверсивных отношений, чреватых нежелательными социальными потрясениями, в-третьих, переносить раскрытые таким образом общие закономерности функционирования иерархических систем в другие предметные области, в которых также изучаются всевозможные иерархические системы. Однако такой анализ применительно к социальным системам имеет смысл только тогда, когда на его основе принимаются меры, позволяющие предотвратить катастрофические сценарии развития социальных систем и создать условия для их поступательного развития. В то же время определённые управленческие действия способны провоцировать развитие системных инверсий – и в обществе в целом, и в системе образования в частности. Тот факт, что конструктивная и квалифицированная критика таких управленческих действий приобрела в настоящее время большую актуальность [9], подчёркивает значимость изучения инверсивных отношений.

Характер организационных принципов в иерархической системе зависит от свойств соподчиняющихся элементов; в социальной иерархии, поскольку её элементами являются *люди*, эти принципы имеют вполне специфическую форму, и их связь с образовательной деятельностью также приобретает собственную специфику. Например, в марксистской традиции основанием для определения классовой принадлежности субъекта является его отношение к средствам производства. Впоследствии профессор социологии Гарвардского университета А. Соренсон определил класс как «условия жизни» [10, с. 10], то есть как определённый уровень потребления (сюда относится и потребление образовательных услуг). Здесь мы видим разные

организационные принципы в социальной иерархии, пусть и сцепленные между собой. Разумеется, лицо, являющееся собственником средств производства, пользуется более благоприятными условиями жизни, и образовательные возможности у него самого и у членов его семьи существенно выше. Однако современный высокооплачиваемый специалист может лично не обладать никакими средствами производства, но поддерживать при этом весьма высокий уровень жизни. Данную позицию он занимает главным образом благодаря образованию; следовательно, образовательный организационный принцип здесь тесно связан с принципом, обозначающим уровень потребления.

В настоящее время приобрела известность неовеберовская концепция, разработанная социологами Р. Эриксоном, Дж. Голдторпом и Л. Портокарьеро и названная по первым буквам фамилий авторов «EGP-схема». При определении социального статуса субъекта она учитывает две переменные: 1) отношение к собственности (крупный, средний или мелкий собственник), 2) выполнение управленческих функций различного уровня. Немногочисленный класс крупных собственников целиком относится к лицам, осуществляющим управленческие функции [11]. Таким образом, в данной модели представлен как имущественный, так и функциональный организационные принципы, и они рассматриваются как сцепленные. Функции организационных принципов в социальной иерархии могут выполнять всевозможные разновидности внеэкономического прикрепления субъекта к той или иной социально-хозяйственной нише. Для осуществления управленческих функций необходим надлежащий образовательный уровень; обладатели крупной собственности (т.е. лица, занимающие высшие позиции на основании имущественного принципа) имеют, как уже говорилось, более значительные образовательные возможности, чем большая часть представителей нижестоящих страт. Однако они могут и делегировать эти возможности

нижестоящим стратам, с тем чтобы в своей жизнедеятельности пользоваться услугами высокообученного наёмного персонала.

Тот факт, что совокупность лиц, принимающих управленческие решения в данном обществе, занимает свою иерархическую позицию на основании не одного, а нескольких организационных принципов, в современной литературе обозначается как кроссфункциональный подход к идентификации элит [12]. Так, субъект может занимать высокую или низкую общественную позицию в зависимости от своего материального положения – тогда следует говорить о действии *имущественного* (экономического) организационного принципа. Мы знаем, что любой субъект может в течение своей жизни как приобрести материальное достояние, так и утратить его. В то же время данный атрибут обладает определённой мерой стабильности, а динамика изменений материального достатка отдельных членов общества доступна наблюдению и статистической оценке. Далее, субъект может иметь определённую социальную позицию, обусловленную занимаемой должностью (социальной функцией), например, мэр города имеет иное общественное положение, чем рядовой сотрудник небольшой фирмы и даже её директор. В данном случае действует *функциональный* организационный принцип, который также является атрибутивным. Должность (социальная функция), как правило, не даётся человеку с рождения, а присваивается и также может быть утрачена. В свою очередь, возможность занятия той или иной должности тесно связана с *образовательным* организационным принципом. Кроме того, отдельным основанием для отнесения субъекта к тому или иному социальному иерархическому статусу может считаться культурный уровень (культура производства и потребления, а также «хорошие манеры», присущие привилегированному образу жизни); здесь действует *культурный* организационный принцип, который, однако, тесно сцеплен с образовательным принципом.

Кроме того, в социальной иерархии действуют и сущностные организационные принципы. К ним, в частности, относится *сословный* – принадлежность к определённому сословию (например, дворянскому), который определяется по праву рождения; в настоящее время этот принцип в значительной мере утратил своё действие. Сущностным принципом является *хронологический*: если некоторый субъект в данной социальной группе старше всех по возрасту и дольше всех в ней находится, то он уже не сможет стать младшим. В патриархальной семье действует сущностный *генетический* принцип: высшее положение в иерархии занимает родоначальник; он не только старше всех, но и является родителем (и прародителем) для всех нижестоящих субъектов. Применительно к образованию важнейший сущностный принцип составляет неравная природная одарённость обучающихся. Вместе с тем, как подметили Пьер Бурдьё и Жан-Клод Пассерон, в ходе обучения в школах и вузах происходит трансформация изначально неравных стартовых социально-экономических условий обучающихся (т.е. имущественного организационного принципа социальной иерархии) в неравенство успеваемости, трактуемое уже как результат неравной одарённости, что приводит к воспроизводству социального неравенства [13].

Приведённый выше перечень принципов, разумеется, не является исчерпывающим. Играть роль также такие моменты, как, например, известность, проживание в столице или в провинции. Нередко даже при преднамеренном искусственном формировании той или иной социальной иерархии в ней обнаруживаются неочевидные, скрытые до поры до времени организационные принципы, которые не предусматривались изначально.

Присутствие множества организационных принципов в социальной иерархии признаётся давно – фактически с самого начала изучения общественной стратификации. В своем «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства между людьми» Жан-

Жак Руссо писал: «Я вижу в человеческом роде два вида неравенства: одно, которое я называю естественным или физическим, потому что оно установлено природою и состоит в различии возраста, здоровья, телесных сил и умственных или душевных качеств; другое, которое можно назвать неравенством условным или политическим, потому что оно зависит от некоторого рода соглашения и потому что оно устанавливается или, по меньшей мере, утверждается с согласия людей» [14, с. 70]. Уже здесь прослеживаются минимум два одновременно действующих организационных принципа в социальной иерархии. Этот вопрос подробно рассматривал Г. Зиммель [15], находит он отображение и в трудах Т. Парсонса [16]. По мнению Э. Дюркгейма, индивидуальная свобода не есть отсутствие всякой (внешней) регламентации; она является следствием такого общественного устройства, когда «общественное неравенство точно выражает естественное неравенство»; иными словами, общественное неравенство должно порождаться по-разному выраженными у отдельных людей индивидуальными способностями [17, с. 221]. Способности же должны реализовываться, и реализуются они путём образования, посредством приобретения тех или иных трудовых и социальных компетенций.

Подобные наблюдения делаются и применительно к современному обществу. Социальная стратификация современного российского общества, её становление и развитие освещены, в частности, в работах З.Т. Голенковой [18; 19], Д.А. Константиновского [20]. О.Д. Куценко в числе факторов, характеризующих общественное неравенство, выделяет собственность, занятость и профессию [21]; однако профессия не возникает сама по себе, для этого опять-таки требуется образование.

Действенность организационных принципов в социальной иерархии определяется их неравной и непостоянной значимостью. Организационные принципы сами образуют ис-

рархию (иерархию второго порядка), внутри которой отмечается собственная динамика, вызываемая, в частности, внешними воздействиями на данную систему. Если, согласно учению Н. Лумана, рассматривать общество как операционно замкнутую систему [22], то воздействие внешней среды на эту систему реализуется, в частности, в изменении соотносительной значимости организационных принципов в иерархии. Стабильность атрибутов у организационных принципов в иерархии может различаться. Иначе говоря, имеет значение, зависит ли данный принцип от проявления некоего качества только у одного конкретного элемента (данного субъекта), или же этот принцип проявляется как результат *сравнения* одного элемента с другими. Например, имущественный принцип действует только в сравнении. В СССР состоятельным человеком считался владелец весьма скромного, по нынешним меркам, автомобиля отечественного производства. Однако по сравнению с хозяином «Роллс-Ройса» он показался бы нищим. Таким образом, неизменность положения того или иного элемента в иерархии зависит не только от его собственных свойств, но и от сравнимых свойств других элементов в иерархии.

Когда два атрибутивных принципа действуют одновременно, то один из них, обладающий более стабильным атрибутом, берёт на себя функции сущностного принципа, создавая точку опоры для инверсивных отношений. Второй же принцип, обладающий менее стабильным атрибутом, по-прежнему функционирует как атрибутивный принцип в паре с сущностным, обеспечивая возможность внутрисистемной активности. Тем самым создаются условия для возникновения и развития инверсивных отношений в иерархии.

Обратимся к примеру. Руководитель среднего звена управляет тем или иным подразделением в учреждении, поскольку назначен на эту должность высшим руководством. Он возглавляет иерархию в своём департаменте на основании *функционального* принципа. К тому же он имеет полномочия

наполнять деятельность своих подчинённых конкретным содержанием (то есть он возглавляет иерархию и на основе *содержательного* принципа). В данном случае эти принципы, поскольку они связаны с фактом пребывания на данной должности, несомненно, могут рассматриваться как сцепленные. Назначение на должность (как и снятие с должности) может произойти моментально. А для того чтобы приобрести компетентность, позволяющую реально разбираться в вопросах деятельности подчинённых, нужно и время, и немало усилий (и надлежащий образовательный уровень), – здесь налицо действие образовательного принципа.

Уровень социального напряжения в общественной иерархии зависит от того, насколько выраженными являются в ней инверсивные отношения, а не от одного только экономического положения, материального достатка или образовательного уровня тех или иных лиц.

Образовательный организационный принцип и инверсивные отношения

Следует отметить, что образовательный организационный принцип может рассматриваться и как сущностный, и как атрибутивный. Разумеется, образование представляет собой внешний, приобретённый атрибут, которым личность не обладает изначально. Однако же, будучи получено, образование является атрибутом с весьма большим уровнем стабильности. Наличие документа об образовании фактически перемещает обладателя в другую страту даже в том случае, когда он не получает при этом никаких материальных благ.

В связи с этим непростая социальная ситуация складывается и в современной Европе, и в современной России. Вследствие того, что мест в отечественных вузах сейчас уже практически столько же, сколько выпускников в школах, наблюдается перепроизводство специалистов; при этом чрезвычайно и необоснованно массовыми становятся такие специальности, как юрист, психолог, эконо-

мист и даже журналист и политолог. Очевидно, что очень многие молодые специалисты (бакалавры, магистры) не смогут найти работу по полученным специальностям, и это чревато социальными коллизиями. В данном случае действует инверсия: теоретически для отдельного субъекта каждая из вышеупомянутых специальностей может послужить трамплином для быстрого профессионального и личностного роста, однако эта заманчивая перспектива провоцирует столь массовое обращение к подобным специальностям, что очередь к «социальному лифту» становится непреодолимой [23]. Несмотря на это, по данным социологических опросов, образование в нашей стране остаётся наиболее востребованным «социальным лифтом» (второе место в этом отношении занимает брак, третье – профессиональная карьера, которая тоже так или иначе сопряжена с образованием) [24, с. 271]. Среди прочих фигурируют также спорт, армия, членство в политических партиях, предпринимательство [25]; образовательный принцип играет важную роль и в них. Например, сделать карьеру в армии, не имея военного образования, в наше время уже невозможно.

Результатом воздействия образовательного «социального лифта» на социальную систему является развитие так называемых парадоксальных инверсий, при которых источником инверсии становится не атрибутивный, а сущностный принцип. Субъект, занимающий подчинённую социальную позицию, но обладающий достаточным образовательным уровнем, чтобы её преодолеть, как раз и находится в ситуации парадоксальной инверсии. Разрешение этой инверсии состоит в том, что подчинённый ранее элемент иерархии (т.е. субъект) утрачивает свой статус, перемещается вверх и занимает теперь в иерархии ведущие позиции. Это происходит, если действие организационных принципов, которые ранее удерживали его в подчинённом положении, вследствие различных причин ослабевает. Перемещая некоторый элемент (или совокупность элементов) на

вершину иерархии, система создаёт предпосылки для качественного обновления своего верхнего слоя, что является актом прогресса.

Рассмотрим, каким образом управление процессами в иерархической системе может быть представлено на примере образовательной политики. Допустим, образовательная система представляет собой форму «социального лифта», благодаря которой любой человек из непривилегированных слоев общества, проявив талант и трудолюбие, может подняться на верхнюю ступень социальной лестницы. В этом случае в социальные верхи попадает тот, кто действительно этого заслуживает, поскольку его местонахождение в социальных низах было обусловлено парадоксальной инверсией. Согласно интеллектуальному организационному принципу (который может, с известными оговорками, считаться сущностным), данный субъект мог претендовать на высшее место в иерархии, но из-за действия имущественного (атрибутивного) принципа он вынужден был какое-то время довольствоваться низшим социальным положением. Однако значимость имущественного организационного принципа может измениться: нам, например, сейчас совершенно неинтересно, каким материальным достатком обладали М.В. Ломоносов или А.С. Пушкин, С.П. Королёв или П.А. Капица, поскольку значимость этих личностей состоит вовсе не в этом.

Возможен и другой вариант, который нередко можно наблюдать уже сегодня: изначальное разделение образования на «массовое» и «элитное». В этом случае выходцы из социальных низов, даже получив образование, не смогут войти в состав элиты, поскольку «социальные лифты» заблокированы. Исходное социальное неравенство учеников накладывается на неравенство школ и вузов [26]. Такой вариант общественного развития уже не предполагает парадоксальных инверсий, зато чреват развитием других, «обычных» инверсий, которые приведут в конце концов социальную систему к гибели и распаду, если не принять специальных мер. Так,

некоторые зарубежные авторы отмечают, что предпринимаемые меры государственной поддержки при получении образования больше идут на пользу привилегированным, а не малоимущим социальным слоям [27]. По мнению А.Н. Цветкова, подобные отношения приводят к формированию искусственной иерархии, которая, в отличие от иерархии естественной, порождает неразрешимые проблемы [28].

Выводы

Перечисление примеров того, как инверсивные отношения в социально-экономической иерархии находят выражение в разнообразных общественных противоречиях, может быть продолжено. Но исследование инверсивных отношений важно не только в рамках данной предметной области; оно актуально везде, где объектом исследования становятся иерархические системы. При этом просто устранять инверсивные отношения в системе, в которой они уже имеют некоторый стаж существования и срослись с ней, — достаточно безнадежное дело. Тем не менее управление инверсивными отношениями возможно. Нужно не выкорчевывать инверсивные связи из живого тела системы, а предотвращать их дальнейшее развитие или хотя бы не поощрять его. Ведь нашей целью является сохранение, а не разрушение данной социальной системы.

Таким образом, анализ инверсивных отношений в социальных иерархиях является действенным исследовательским инструментом, позволяющим прогнозировать социальное напряжение в обществе и предотвращать его. Применение данного метода при формировании государственной образовательной политики в настоящее время представляется необходимым.

Литература

1. *Сорокин П.А.* Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
2. *Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства. М.: АСТ, 2008. 192 с.
3. *Ивахненко Е.Н.* Отечественное образование как система и объект управления // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 8/9. С. 9–23.
4. *Леви-Строс К.* Путь масок. М.: Республика, 2000. 400 с.
5. *Маилян Ф.Н.* Роль социального капитала в процессе формирования и реализации человеческого капитала // Вестник Томского гос. ун-та. Экономика. 2012. № 1 (17). С. 51–62.
6. *Шкаратан О.И.* Сущность и функции социальной стратификации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. № 3 (48). С. 43–66.
7. *Гидденс Э.* Устроение общества. Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2001. 528 с.
8. *Севостьянов Д.А.* Инверсивные отношения в социально-экономических системах // Обсерватория культуры. 2014. № 3. С. 18–25.
9. *Сапунов М. Б., Тхагапсоев Х. Г.* Культура критического дискурса о высшем образовании и науке (по страницам журнала) // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 7. С. 20–27.
10. *Макеев С.* Классовый анализ в современной социологии // Социология: теории, методы, маркетинг. 2001. № 3. С. 5–22.
11. *Беляева Л.А.* Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 3 (97). С. 21–53.
12. *Хабаров И.А.* Политическая элита: теоретический аспект анализа // Вестник Тамбовского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 3(59). С. 346–349.
13. *Bourdieu P., Passeron J.-C.* Reproduction in education, society and culture. London: Sage Publications, 1977. P. 1–68.
14. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. Трактаты: Пер. с фр. М.: КАНОН-пресс, 1998.
15. *Зиммель Г.* Проблемы социологии. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования // Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 301–465.
16. *Корнаев А.Т.* Генезис социальной стратификации как научной категории // Вестник Ставропольского гос. ун-та. 2007. № 50. С. 123–126.
17. *Быков А.В.* Концепция ценностей в социологии Э. Дюркгейма // Мониторинг общественного мнения. 2009. № 3 (91). С. 219–226.

18. Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества / Под ред. З.Т. Голенковой. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. 481 с.
19. Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Социальная структура общества. В поиске адекватных ответов. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Golenkova_Igithanyan.pdf
20. Константиновский Д.Л. Динамика неравенства. М.: Едиториал УРСС, 1999. 344 с.
21. Куценко О.Д. Общество неравных. Классовый анализ неравенств в современном обществе: попытки западной социологии. Харьков: Изд-во Харьковского гос. ун-та им. В.Н. Каразина, 2000. 240 с.
22. Луман Н. Общество как социальная система: Пер. с нем. М.: Логос, 2004. 232 с.
23. Севостьянов Д.А., Гайнанова А.Р. Ценности образования: инверсия смыслов // Высшее образование в России. 2014. № 2. С. 43–48.
24. Ефимова О.Ю. Социальная мобильность молодёжи из бедных семей: опыт пилотажного исследования // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 270–273.
25. Миронова С.П. Социальный лифт: взгляд сквозь призму средств массовой информации // Социально-профессиональная мобильность в XXI веке. Екатеринбург: Российский гос. профессионально-педагогический ун-т, 2015. С. 74–81.
26. Алешина М.В., Плеве И.Р. Социальный лифт или социальное исключение? // Высшее образование в России. 2009. № 11. С. 126–131.
27. Huisén T. Higher education and social stratification: an international comparative study. Paris: International Institute for Educational Planning, 1987. 75 p.
28. Цветков А.Н. Парадигмы современного менеджмента: проявление в организациях // Стратегии бизнеса. 2016. № 11 (31). С. 15–19.

Статья поступила в редакцию 04.05.18

С доработки 27.07.18

Принята к публикации 03.11.18

Social Inversions and Education

Dmitry A. Sevost'yanov – Cand. Sci. (Medicine), Assoc. Prof., the Department of personnel policy and personnel management, e-mail: dimasev@ngs.ru
Novosibirsk State Agrarian University,
Address: 160, Dobrolyubova str., Novosibirsk, 630039, Russian Federation

Abstract. The article focuses on hierarchical and inverse relations in social systems. Hierarchy is the basic form of organization in social systems. Complex hierarchies have the ability to form inverse relationships. Inverse relationships occur when the lower element in social hierarchy becomes the dominant, but formally remains in a subordinate position. In a hierarchical system, there are certain organizational principles that determine the mutual position of the elements. There are several such principles in complex hierarchies. Inversions arise when two or more organizational principles collide in social hierarchy. The developed inversions are a manifestation of internal contradictions in the hierarchical system. The accumulation of these contradictions can lead to the collapse of the hierarchical system. For example, the development of social inversions can cause a revolution in which certain organizational principles in the social system are abolished. But in some cases, resolving of these contradictions leads to another step in the progressive development of the system. Thus, the resolution of contradictions occurs when the subject actually moves to a higher position in the social hierarchy. One of the most important organizational principles that determine the position of the subject in the social hierarchy is based on the educational level of this subject. Increasing the level of education entails the increase of the subject's social status. However, the position of the subject in the social hierarchy is also determined by other organizational principles. These principles may conflict with the educational organizational principle. As a result, there is a social inversion. Education is a

factor that can both generate inversions in the social hierarchy and eliminate them. The development of society is closely connected with the manifestations of the educational organizational principle, with its interaction with other organizational principles in the social hierarchy. The analysis of inverse relations in social hierarchies is an effective research tool that allows to predict and prevent social tension in society.

Keywords: social hierarchy, inversion, organizational principle, “social elevators”, education as a factor of inversion

Cite as: Sevost'yanov, D.A. (2018). [Social Inversions and Education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 27. No. 12, pp. 39-49. (In Russ., abstract in Eng.)

DOI: <https://doi.org/10.3192/0869-3617-2018-27-12-39-49>

References

1. Sorokin, P.A. (1992). *Chelovek. Civilizatsiya. Obshchestvo* [People. Civilization. Society]. Moscow: Publishing House of Political Literature, 543 p. (In Russ.)
2. Ortega y Gasset, J. (2013). *The Dehumanization of Art and Other Essays on Art, Culture, and Literature*. (Russian Translation: Moscow: Publishing House AST, 2008. 192 p.)
3. Ivakhnenko, E.N. (2018). [Domestic Education as a System and an Object of Management]. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 27. No. 8/9, pp. 9-23. (In Russ., abstract in Eng.)
4. Lévi-Strauss, C. (1979). *La voie des masques*. Paris: Plon. [The Way of the Masks]. (Russian Translation: Moscow: Respublika Publ., 2000, 400 p.)
5. Mailyan, F.N. (2012). [The Role of Social Capital in the Formation and Realization of Human Capital]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal of Economics*. No. 1 (17), pp. 51-62. (In Russ.)
6. Shkaratan, O.I. (2009). [Essence and Functions of Social Stratification]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii = The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 12. No. 3 (48), pp. 43-66. (In Russ.)
7. Giddens, A. (1984). *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity (Russian Translation: Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 2001. 528 p.)
8. Sevost'yanov, D.A. (2014). [Inverse Relations in Socio-economic Systems]. *Observatoriya kul'tury = Observatory of Culture*. No. 3, pp. 18-25. (In Russ., abstract in Eng.)
9. Sapunov, M.B., Tkhangapsoev, Kh.G. (2018). [Culture of Critical Discourse on Education and Science]. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 27. No. 7, pp. 20-27. (In Russ., abstract in Eng.)
10. Makeev, S. (2001). [Class Analysis in Modern Sociology]. *Sotsiologiya: teorii, metody, marketing* [Sociology: Theories, Methods, Marketing]. No. 3, pp. 5-22. (In Russ.)
11. Belyaeva, L.A. (2010). [Russia and Europe: Population Structure and Social Inequality]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of Public Opinion]. No. 3 (97), pp. 21-53. (In Russ.)
12. Khabarov, I.A. (2008). [Political Elite: Theoretical Aspect of the Analysis]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series Humanities*. No. 3(59), pp. 346-349. (In Russ., abstract in Eng.)
13. Bourdieu, P., Passeron, J.-C. (1977). *Reproduction in Education, Society and Culture*. London; Sage Publications, pp. 1-68.
14. Rousseau, J.-J. (1762). *Du contrat social; ou Principes du droit politique* (Russian translation from French: Moscow: KANON-press Publ., 1998, 416 p.)

15. Simmel, G. (1996). [Problems of Sociology. Social Differentiation. Sociological and Psychological Research]. In: G. Simmel. *Izbrannoe* [Selected Works. Vol. 2. The Contemplation of Life]. Transl. from German. Moscow: Yurist Publ., pp. 301-465. (In Russ.)
16. Kornae, A.T. (2007). [Genesis of Social Stratification as a Scientific Category]. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta = Stavropol State University's Vestnik*. No. 50, pp. 123-126. (In Russ.)
17. Bykov, A.V. (2009). [Concept of Values in E. Durkheim's Sociology]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of Public Opinion]. No. 3 (91), pp. 219-226. (In Russ.)
18. Golenkova, Z.T. (Ed.) (1998). [Transformation of the Social Structure and Stratification of the Russian Society]. Moscow: RAS Institute of Sociology Publ., 481 p. (In Russ.)
19. Golenkova, Z.T., Igithanyan E.D. (2008). *Sotsial'naya struktura obshchestva. V poiske adekvatnykh otvetov* [Social Structure of Society. In Search of Adequate Answers]. Available at: http://www.civisbook.ru/files/File/Golenkova_Igithanyan.pdf (In Russ.)
20. Konstantinovskiy, D.L. (1999). *Dinamika neravenstva* [Dynamics of Inequality]. Moscow: Editorial URSS Publ., 344 p. (In Russ.)
21. Kutsenko, O.D. (2000). *Obshchestvo neravnykh. Klassovyi analiz neravenstv v sovremennom obshchestve: popytki zapadnoi sotsiologii* [Society of Unequals. Class Analysis of Inequalities in Modern Society: Attempts of Western Sociology]. Kharkov: Publishing House of Kharkiv State University n.a. V.N. Karazin. 240 p. (In Russ.)
22. Luhmann, N. (1997). *Die Gesellschaft der Gesellschaft* (Russian translation from German: Moscow: Logos Publ., 2004, 232 p.)
23. Sevost'yanov, D.A., Gainanova, A.R. (2014). [Values of Education: Inversion of Meanings]. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 2, pp. 43-48. (In Russ., abstract in Eng.)
24. Efimova, O.Yu. (2013). [Social Mobility of Young People from Poor Families: The Experience of the Pilot Study]. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*. No. 4, pp. 270-273. (In Russ., abstract in Eng.)
25. Mironova, S.P. (2015). [Social Elevator: A Look through the Prism of the Media]. In: *Socio-Professional Mobility in the XXI Century*. Ekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical University, pp. 74-81. (In Russ.)
26. Aleshina, M.V., Plev, I.R. (2009). [Social Elevator or Social Exclusion?]. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 11, pp. 126-131. (In Russ., abstract in Eng.)
27. Husén, T. (1987). *Higher Education and Social Stratification: An International Comparative Study*. Paris: International Institute for Educational Planning. 75 p.
28. Tsvetkov, A.N. (2016) [The Paradigm of Modern Management: A Manifestation in Organizations]. *Strategii biznesa = Business Strategies*. No. 11 (31), pp. 15-19. (In Russ., abstract in Eng.)

The paper was submitted 04.05.18

Received after reworking 27.07.18

Accepted for publication 03.11.18